

— Сонный, как сурок, сил нет, — Чу Фань зевнул.

— Брат? — Чу Лян прошептал совсем тихо. Его дыхание коснулось уха, заставив кожу приятно зазудеть, и остатки сна у Чу Фаня как рукой сняло. Он сонно пробормотал: — М-м, ну чего тебе?

Долгое время ребенок молчал. Чу Фань пожевал губами, и вскоре его дыхание выровнялось — он погрузился в сон. Чу Лян постепенно привык к темноте: он мог смутно различить очертания Чу Фаня, и от этого ему становилось удивительно спокойно.

На следующее утро Чу Лян проснулся от резкого звона будильника. Спал он чутко, любая мелочь могла его разбудить. В детском доме будильников не было, детей поднимали криками. Сам он всегда вставал рано, потому что если проспешь — останешься голодным.

Чу Фань, щурясь и недовольно брыкаясь в кровати, с трудом приподнялся и хлопнул рукой по будильнику, чтобы прекратить этот пронзительный трезвон. Спросонья он обернулся и увидел сжавшегося у края кровати ребенка, который испуганно таращился на него. Этот мальчишка... Ах да, точно, это же его новый младший брат.

— Испугался? Не ожидал от тебя такой трусости, — Чу Фань, разглядев выражение лица ребенка, рассмеялся, и остатки сна окончательно испарились. — Ладно, с завтрашнего дня будешь будить меня ты, чтобы мне не пришлось пользоваться этой штукой.

На самом деле Чу Фань ненавидел будильник, который каждое утро вопил, словно призывая к смерти. Особенно неприятно было, когда тебя вырывали из середины сна.

Чу Лян молчал, не решаясь заговорить. Только когда Чу Фань полностью оделся, он тихо произнес: Хорошо. Ребенок всегда отвечал с огромной задержкой, но Чу Фань к этому уже почти привык.

Чу Фань открыл шкаф, достал носки и обнаружил там несколько комплектов одежды. Вещи были совсем новыми, судя по цвету. Он приложил их к себе — одежда оказалась тесноватой, из грубой ткани. Чу Фань почувствовал легкое разочарование: на его день рождения в марте ему не купили обновки, лишь добавили порцию мяса к обеду.

Впрочем, грусть быстро улетучилась. Стоило ему заметить заплатки на штанишках ребенка, как на смену пришло странное, щемящее чувство жалости. Хотя мама и не часто баловала его новыми вещами, но в заплатанной одежде он, по крайней мере, не ходил.

Малыш одевался очень быстро. Чу Фань помог ему поправить пару деталей, и ребенок был готов — куда шустрее, чем сам Чу Фань, который раньше вечно путал, где у кофты перед, а где спина.

Выйдя из комнаты, они увидели на журнальном столике записку от матери: У меня срочные дела на работе. Позаботься о брате. Завтрак на кухне.

Чу Фань хмыкнул. С каких пор мама стала такой нежной? Раньше, если он не вставал вовремя, она колотила в дверь так, что та едва не разлеталась в щепки, а ему грозила взбучка. Особенно зимой: выдернет из-под одеяла, и пробирает до костей — жуть.

Он еще немного повертел в руках записку. Позаботиться о брате? Позаботиться о брате... Откуда он знает, как это делается? Впрочем, решил он, все просто: что ест он сам, то будет есть и Чу Лян, что делает он — то и брат. Подумав так, Чу Фань решил, что это вовсе не такая уж сложная задача.

Когда Дэн Юй подъехал на своем велосипеде к дому Чу Фаня, тот как раз давал наставления малышу. Чу Лян был послушным, но оставлять его одного дома, когда взрослых нет рядом, было небезопасно. Внук Старого Ли, соседа по дому, в шесть лет остался один, вышел на улицу и упал в колодец. Хорошо, что его быстро нашли, иначе беды было бы не миновать. При одной мысли об этом у Чу Фаня до сих пор мурашки бегали по спине.

Чу Лян молчал, но понимал каждое слово Чу Фаня. Он должен сидеть дома и никуда не бегать. Однако вокруг было так пусто и тихо, что ему стало страшно, и он нехотя разжал пальцы, которыми вцепился в одежду старшего.

— Чу... Фань... Чу... Фань! Чу... Фань! — Дэн Юй затянул имя, словно оперный певец, переходя с одной ноты на другую. Это так раздражало, что Чу Фань от нетерпения даже засуетился.

— Слышу, слышу! Чего орешь-то? — Чу Фань подхватил сумку, вышел за калитку и выкатил свой черный велосипед, который мама купила с рук. Хотя он был подержанным, отец покопался в нем, и теперь велосипед был как новый — надежный и крепкий.

Чу Фань запрыгнул в седло и обернулся. Чу Лян прильнул к стеклу окна, прижав лицо так, что оно превратилось в лепешку, а в больших темных глазах, даже с такого расстояния, блестели слезы.

— Ну чего ты? — Чу Фань мгновенно спрыгнул с велосипеда и подбежал к двери. — Эй, не плачь! Мне нужно на занятия, мама скоро вернется. На столе мои книжки с картинками, почитай их, они очень интересные.

На самом деле Чу Фань уже давно не читал книжки с картинками и даже не помнил, какие у него остались, но ребенок был такой тихий, что сердце подсказывало — ему должно понравиться.

Чу Лян молчал, лишь крупные слезы катились по его щекам, а пальчики сжались в кулаки до красноты.

— Чу Фань, быстрее, опоздаем! Иначе Владыка Ада снова заставит стоять в углу! — Дэн Юй топтался на месте. Чу Фань Владыки не боялся, а вот Дэн Юй — очень. Владыкой Ада звали дежурного учителя и завуча по дисциплине Янь Куаня. Человек он был суровый, с вечно злым лицом, и наказывал учеников крайне жестоко. Все в школе боялись его, ну, кроме Чу Фаня, конечно.

Чу Фань, не глядя на Дэн Юя, принялся второпях вытирать слезы ребенку, но их становилось только больше. Наконец он просто закрыл малышу глаза ладонью: — Перестань плакать, мне правда нужно идти. Приду в обед, поиграем.

Чу Лян шмыгнул носом и кивнул. Ему было страшно, но, послушав того парня, он понял: если Чу Фань не пойдет в школу, его накажут. Хотя он и не понимал, что за Владыка Ада такой.

Чу Фань мастерски управлялся с велосипедом: даже одной рукой он рулил увереннее, чем Дэн Юй обеими. Зимой, когда дорога покрывалась льдом, он никогда не падал, в то время как Дэн Юй из-за лишнего веса вечно заставлял велосипед жалобно скрипеть. Осенью стояла сушь, и когда мимо проносились грузовики, их обдавало облаками пыли. Когда они наконец доехали до школы, как раз звенел звонок.

Чу Фань только переступил порог класса, как на пороге возник Владыка Ада. Он бросил косой взгляд на Чу Фаня, который как раз расставлял учебники на парте. Для него Чу Фань был колючкой: вроде и неглупый, но совершенно несерьезный, вечно витает в облаках на уроках. Успеваемость держалась на среднем уровне, и учителя просто не знали, что с ним делать.

Все утро мысли Чу Фаня были далеко. Он то и дело представлял, как малыш прилип к стеклу с заплаканными глазами. Не плачет ли Чу Лян до сих пор? Наверное, мама уже вернулась домой.

— Чу Фань... Чу Фань? — Фу Янь, сидевшая перед ним, легонько потрясла его за плечо. — Учитель уже несколько раз на тебя смотрел. Осторожнее, опять заставит стоять в конце класса.

Все знали, что Фу Янь равнодушна к Чу Фаню, поэтому только она осмеливалась рисковать наказанием, чтобы окликнуть его.

От толчков Фу Янь Чу Фань наконец вернулся в реальность. Он поднял голову и увидел, что учитель английского сердито смотрит прямо на него. Чу Фань отвернулся, делая вид, что ничего не заметил, и мечтал лишь об одном: поскорее закончить уроки и бежать домой. Впервые в жизни он испытал это чувство — когда кто-то тебя ждет.

Тем временем дома Чу Лян с самого ухода Чу Фаня не отходил от окна, вытянув шею. Был уже почти полдень, а Чу Фаня всё не было. Мальчик начал паниковать. Из-за того, что он прижимался носом к стеклу, ему было трудно дышать. Он хотел увидеть Чу Фаня в ту самую секунду, как тот войдет во двор. Это место было чужим, хоть дядя с тетей и относились к нему хорошо. Чу Фань, конечно, бывал грубоват, но Чу Лян его больше не боялся — напротив, при

виде брата ему становилось спокойно.

Вернувшись в полдень, Жуань Вэньли увидела, что Чу Лян по-прежнему прижат к стеклу, а личико сплющилось до неузнаваемости.

— Ох, мой малыш! Ну зачем же так прижиматься, совсем воздуха нет, — она открыла дверь и подхватила ребенка на руки. Она собиралась оформить документы на перевод в другую школу, но на работе неожиданно навалились дела, и она примчалась домой, как только выдалась минутка.

Солнце, несмотря на осень, палило нещадно. В школе у Чу Фаня был обед, но он решил пойти домой, так как обещал Чу Ляну прийти к полудню. Когда он добрался до дома, Чу Лян уже ждал его на ступенях. Увидев его издалека, мальчик звонко позвал: Брат! Чу Фань расплылся в улыбке, решив, что спешить через такую жару ради этого стоило.

— Это правда твой младший брат? — Дэн Юй припарковал велосипед следом и посмотрел на Чу Ляна. Мальчик был таким худеньким, что сестра Дэн Юя, Дэн Лин, была бы в два раза крупнее него.

Чу Фань кивнул. В эту секунду он почувствовал гордость: его брат такой послушный, не то что сестра Дэн Юя, которая вечно с ним спорит, так что их ссоры слышны на всю улицу. Но тут же он осекся: ведь этот мальчик не настоящий его брат, скоро его заберут. На душе стало паршиво.

— И чего это Сяо Лян постоянно бегал к двери, — Жуань Вэньли собрала все документы. Вопросы с детским домом были улажены. Она хотела дать мальчику фамилию Чу, но директор детдома сказал, что имя Чу Лян имеет для него особое значение, и она не стала настаивать. Ей просто очень полюбился этот ребенок.

— Мам, чего ты меня так не любишь? — Чу Фань протянул малышу пачку воздушной кукурузы. Раньше он ее обожал, а теперь вырос и вкусы изменились, но он решил, что ребенку должно понравиться.

— Перестань доставлять неприятности, тогда и залюблю, — мама закатила глаза, наклонилась и подхватила Чу Ляна на руки. — Пойдем, малыш, в дом, на улице ужасно жарко.

— Чу Фань, мне иногда кажется, что ты не родной, — бросил Дэн Юй и быстро удра. Чу Фань не стал его догонять. Кто сказал, что он неродной? Но почему мама вдруг стала так носиться с этим ребенком? Чу Лян увидел, что Чу Фань вернулся, и его до сих пор напряженное сердце наконец успокоилось. Во время ужина он в один присест умял три миски риса. Когда он накладывал четвертую, был уже сыт по горло, но всё равно осилил всё до конца, хотя живот от переедания неприятно раздуло.

— И не скажешь с виду, что такой проглот, — Чу Фань тоже наелся досыта, но он съел всего две миски — аппетит у него был небольшой.

Услышав это, Чу Лян смутился, покраснел, уселся на татами и, опустив голову, молчал. Рядом по-прежнему лежала пачка снеков Лонгвейсянь, которую тот дал ему ранее, еще даже не вскрытая.

— Чу Фань, выйди на минутку, мне нужно с тобой поговорить, — мать приподняла занавеску, окликнула сына и тут же вышла обратно.

Во дворе росла небольшая виноградная лоза, рядом с которой матушка высадила немало цветов — пуансеттия сейчас пылала ярко-красными бутонами. Эту лозу отец неизвестно откуда пересадил; во всяком случае, сколько Чу Фань себя помнил, она всегда была здесь, вот только винограда на ней отродясь не завязывалось. Отец уже несколько раз собирался ее срубить, чтобы посадить что-нибудь другое, но матушка говорила, что обвивающие стебли выглядят очень красиво, и в итоге велела выложить внизу небольшой каменный помол, где можно было спастись от жары.

Мать присела на каменную скамейку, увидев вышедшего Чу Фаня, и поманила его рукой.

— Мам, чего ты тут загадки разводишь? — Чу Фань не слишком-то рвался на улицу. В комнате работал электрический вентилятор, было прохладно, а во дворе хоть и не пекло, но до домашнего комфорта далеко — ветерок с улицы тянул знойным дуновением.

— Ах ты паршивец, ремня захотел? — матушка фыркнула и велела Чу Фаню садиться напротив. — Тебе разве не странно, что у тебя вдруг появился младший брат?

— Чего тут странного, мало ли какая тетушка опять попросила понянчиться, — раньше к ним уже заходили чужие дети: то у дядей с тетями командировки, то еще какие заботы, и они просили матушку присмотреть за малышами. Правда, те детишки вечно шумели и вечно всё в доме переворачивали вверх дном, что ему ужасно не нравилось, а этот мальчишка по крайней мере тихий.

— Кто тебе сказал такое? Сяо Лян отныне твой младший брат. Разве я в прошлый раз не говорила, что приведу в дом младшего брата? Это и есть Сяо Лян. Он еще мал: кто его родной отец — неизвестно, мама умерла, да и близких родственников не осталось.

Мать снова пересказала Чу Фаню то же самое, что услышала от заведующей детским домом, а напоследок не преминула пригрозить:

— Чу Фань, говорю тебе, обижать младшего брата не смей!

Чу Фань слушал в полном оцепенении. Мать, конечно, говорила, что у него появится младший брат, но ведь это было еще прошлым летом, он давно успел позабыть обо всей этой истории. Оказывается, мама Чу Ляна погибла на месте в автокатастрофе, никаких документов при ней тогда не осталось, полиция разослала ориентировки, но за ребенком так никто и не объявился, так что в конце концов мальчика пришлось отправить в детдом. В те дни ребенок был глубоко замкнут в себе, на любые вопросы отвечал молчанием, помня лишь свое имя — Чу Лян. Лишь после обследования выяснилось, что из-за травмы головы при аварии он потерял память, и в конце концов врачи вынесли заключение, что он, судя по всему, сам подсознательно не желает ничего вспоминать — у него развилась избирательная амнезия.

Значит, у Кукурузки нет ни папы, ни мамы? И всё это время он провел в детском доме?

Неудивительно, что он так ловко управляет со своими вещами. Чу Фань вспомнил девочку из параллельного класса, над которой то и дело подтрунивали за то, что у нее нет родителей. Если бы у него самого не было ни мамы, ни папы... Чу Фань зябко передернул плечами,

вспомнив, как Чу Лян сжался крошечным комочком, присев в углу, с красными воспаленными глазами. На душе у него заскребли смутные, неприятные чувства — тоскливые и какие-то необъяснимые. Но услышав последнюю фразу, Чу Фань возмутился несправедливостью:

— Мам, неужели ты настолько не доверяешь собственному сыну? Похож я на того, кто любит задиаться?

Услышав это, матушка хмыкнула и рассмеялась:

— Еще как похож! А кто парубок, который выбил передние зубы Второму Обезьяну с соседней улицы? У того до сих пор новые не выросли.

Чу Фань тут же взвился от досады:

— Да он сам себе передние зубы по неосторожности раскрошил! Чего ты вечно всё на меня сваливаешь?

Того Второго Обезьяна звали Чжан Дун, он учился на класс старше Чу Фаня и, пользуясь тем, что был крупнее остальных, вечно задирали младшеклассников. Чу Фань просто не стерпел и полез заступиться, но кто же знал, что этот толстяк только с виду грозный, а на деле пшик — споткнулся о краешек ступеньки да как угодится лицом о каменные ступени! Сам виноват, что без зубов остался.

— Ладно-ладно, не на тебя, — матушка с забавной улыбкой наблюдала за тем, как Чу Фань сердито таращит глаза. Конечно, она верила каждому слову сына: Чу Фань хоть и бывал проказлив, но всегда отвечал за свои поступки — ей просто хотелось подразнить мальчишку и посмотреть, как он растеряется.

— На-ка, вот тебе награда. Видела, как ты покупал братишке вкусняшки, карманные деньги, небось, все истратил, — матушка достала из-за пазухи юань и протянула ему. Она ежедневно оставляла карманные деньги на столе, порой сразу на несколько дней вперед, но Чу Фань никогда не брал лишнего — ровно столько, сколько положено на день.

— У меня еще осталось, завтра дашь, — Чу Фань не взял монетку. В последнее время его и так не тянуло на всякие сласти, разве что на какую-нибудь мелочь, но сейчас ему ничего и не хотелось покупать.

Мать спрятала деньги обратно в карман и махнула ему рукой:

— Я скоро отведу младшего в школу оформлять перевод, а ты иди сам.

— Понял, я в школу, — бросил Чу Фань. Отогнав мысли о Втором Обезьяне, он скосил глаза на комнату. Чу Лян всё так же сидел на татами, за тюлевой занавеской его силуэт казался расплывчатым, но Чу Фань и без того знал: Кукурузка снова погрузился в свои мысли. Дэн Юй уже закончил обедать и, как обычно, во все горло выкрикивал что-то, напоминая поющего актера.

Чу Лян всё это время смотрел в окно. Хотя он не понимал, о чем говорят брат и тетя, спустя некоторое время он смутно расслышал голос — длинные, тягучие интонации, совсем как утром. Вскоре после этого он увидел, как Чу Фань вышел со двора, по всей видимости, направляясь на занятия: было уже два часа дня.

Подождав немного, тетя приподняла занавеску и вошла, сказав, что поведет его в школу. Чу Лян не привык, когда его берут на руки, поэтому он сам взял тетю за руку и пошел следом.

Жуань Вэньли была очень рада: ребенок наконец-то позволил себя коснуться. Пусть это было всего лишь прикосновение к руке, но всё же лучше, чем раньше, поэтому настроение у нее было довольно приподнятое.

Начальная школа, в которой учился Чу Фань, называлась «Первая начальная» — лучшая в округе. После нее можно было сразу перейти в среднюю школу, а уж удастся ли поступить в старшую — зависело от стараний самого ребенка. В свое время она приложила немало усилий, чтобы устроить Чу Фаня именно сюда, но позже смирилась: лишь бы Чу Фань не ввязывался в неприятности, как некоторые трудные подростки, и она уже будет счастлива.

Первой начальной школе было больше ста лет. Платан у главных ворот был таким толстым, что обхватить его могли только три человека. Рядом с учебными корпусами стояло множество беседок — все из резного дерева, в старинном стиле, исполненные особого очарования. Чу Лян всю дорогу с любопытством оглядывался по сторонам. Он слышал от тети, что Чу Фань учится в четвертом классе, значит, он должен быть где-то там.

Классным руководителем второго класса оказалась молодая учительница в длинном белом платье с копной черных волос. Она улыбалась так красиво и мягко, что Чу Лян перестал бояться. Учителя в детском доме были очень строгими, часто били линейкой по ладоням — летом еще терпимо, а зимой это было до боли обидно.

— Сяо Лян, это госпожа Сюй, твой классный руководитель. Отныне ты будешь учиться здесь, — сказала мама, обращаясь к Чу Ляну.

Мальчик опустил голову и промолчал, теребя пальцами край одежды. На его крошечном носу выступили капельки пота. Мама обернулась и извиняюще улыбнулась учительнице:

— Госпожа Сюй, не обращайтесь внимания, ребенок робкий и боится чужих.

Госпожа Сюй улыбнулась в ответ:

— Ничего страшного. Поначалу все дети такие, со временем привыкнет.

Чу Лян стоял, опустив голову и шаркая носком ботинка по земле. Обстановка была слишком непривычной. Несмотря на то что все вокруг были добры, он всё равно чувствовал страх. Чу Фань, должно быть, сейчас на уроке, и ему хотелось его увидеть. Тетя, кажется, ушла в учительскую, новая учительница тоже начала урок. Он остался один снаружи. Со всех сторон доносились звуки зубрежки, к которым он совсем не привык, и ему захотелось найти тихое место, чтобы побыть одному.

Чу Лян прошел по дорожке мимо нескольких беседок. Лучи послеполуденного солнца отражались в воде пруда, переливаясь всеми цветами радуги. За учебным корпусом притаилась довольно уединенная беседка — сейчас шли уроки, так что людей там быть не должно.

Чу Лян раздвинул ветки, преграждавшие путь, и увидел двоих учеников. Они стояли вплотную друг к другу, а между ними поднимались струйки белого дыма. Он знал, что это сигареты: отец Чу Фаня тоже курил, правда, тетя всегда выпроваживала его из дома во двор.

Чжэн Вэй был местным задирой. Ученик шестого класса, он пробовал всё: курил, выпивал, и его боялись ученики не только первой, но и второй, и третьей начальных школ. Сейчас у него возникло острое желание закурить, и он вместе с приятелем спрятался здесь, чтобы утолить эту тягу. Неожиданный шорох заставил его вздрогнуть, сигарета выпала из рук на землю. Испугавшись, что это учитель, он тревожно оглянулся, но вместо учителя увидел лишь худощавого маленького мальчика, который во все глаза смотрел на него.

Чжэн Вэй почувствовал себя униженным: его, грозу школы, напугал какой-то малыш! С помрачневшим лицом он бросил на Чу Ляна холодный взгляд, сплюнул на землю, выругался и, перешагнув через каменные перила беседки, в пару шагов оказался рядом. Он схватил мальчика за воротник. Ребенок был таким худым, что стоило Чжэн Вэю приложить немного силы, как ноги мальчика оторвались от земли, а лицо побагровело от удущья.

Чу Лян вытаращил глаза. Он даже не успел осознать, что произошло, как его уже схватили. В горле стало невыносимо больно: воротник сдавил шею, и он не мог даже закашляться.

Позади Чжэн Вэя Фу Хун бросил окурок на землю, растоптал его и, прислонившись к столбу беседки, подзадорил друга:

— Слышь, Чжэн Вэй, неужели ты даже ребенка ударить боишься?

— Заткнись, мать твою, кто сказал, что я боюсь?! — разозлившись от такой провокации, Чжэн Вэй сжал руку еще сильнее.

Чу Лян пытался оттолкнуть Чжэн Вэя, но сил не хватало. Дышать становилось всё труднее. От нехватки кислорода в груди стало тяжело, а лицо из красного начало приобретать синюшный оттенок, однако Чжэн Вэй совершенно не собирался его отпускать.

У Чу Фаня как раз был урок физкультуры. Учитель заставил всех выполнить гимнастику, пробежать несколько кругов, а затем объявил свободное время. Другие ученики играли, но Чу Фаню было скучно. Он прогуливался по гравийной дорожке и дошел до задней части холма. Издалека он увидел, как в беседке местный задира Чжэн Вэй держит какого-то ребенка за шиворот. Малыш, казалось, совсем не мог дышать, а его крошечное тельце безвольно болталось из стороны в сторону.